

Научная статья

УДК 398.22(=512.15)

DOI 10.25587/2782-4861-2026-1-41-53

ДОЛГАНСКОЕ ОЛОНХО В СВЕТЕ ЭПОСОВЕДЕНИЯ И ЭТНОПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

А. А. Петров¹, В. А. Разумовская²

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: petrovalexspb@mail.ru

²Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Статья обращается к эпическим текстам долганского олонхо как отражению культурных, лингвистических, а также этноидентичных особенностей долган, являющихся самым северным и одним из самых молодых тюркских этносов современного мира. Олонхо долган рассматривается как совокупность этнотекстов коренного малочисленного народа, являющихся в отношении других народов Сибири и России объектами «ближней» антропологии и выступающих в контексте всеобъемлющего культурного поворота как объектами гуманитаристики в целом, так и потенциальными объектами этнопереводоведения. Информационные особенности рассматриваемой категории текстов обусловлены наличием в них культурной информации и памяти, генерируемых на протяжении всего времени существования этноса и отражающих важное для него реальное и мифологическое прошлое, что и определяет актуальность исследования.

Регулярной формой вербализации культурной информации и памяти признаются культуронимы, которые в отношении переводящей культуры являются ксенонимами и выступают основными единицами этноперевода, предполагающего обязательное и наиболее полное воссоздание «чужой» культурной информации в переводных текстах.

Новизна исследования обусловлена рассмотрением долганских эпических текстов в контексте этноперевода – многофункциональной межкультурной коммуникативной деятельности, выполняющей культуросохраняющую, научную, лингворевитализирующую, образовательную, воспитательную и конструирующую идентичность задачи, а также обеспечивающей доступ представителям других культур мира и исследователям к уникальной культуре российского Севера.

Целью исследования стал анализ накопленного к настоящему времени опыта перевода якутского олонхо, созданного близкородственным долганам этносом саха, в свете возможности его использования как «переводческого бенчмаркинга» (как одного из лучших на данный момент образцов перевода тюркоязычного эпоса), что позволяет применить общие для олонхо двух тюркских этносов базовые стратегии, принципы и приемы перевода этнотекстов, уже доказавшие свою эффективность в якутском переводоведении.

Этнопереводческий подход к текстам долганского олонхо основан на общенаучном методологическом принципе дополнительности, предполагающем комплементарное использование методов и идей культурологии, фольклористики, лингвистики и переводоведения, а также на принципах герменевтики, используемых дескриптивно и прескриптивно.

Теоретическая и практическая значимость анализа предполагает возможность использования полученных результатов для создания общей и частных теорий этнопереводоведения, понимаемого как «ближкое» переводоведение, а также для разработки учебных курсов по эпосоведению, этнолингвистике, сибиреведению, межкультурной коммуникации и другим разделам современной гуманитаристики.

Ключевые слова: коренные народы Сибири; культурный поворот гуманитаристики; культурная информация и память; эпос; олонхо; этнотекст; этноперевод; единица перевода; культуроним; «чужая» информация

Для цитирования: Петров А. А., Разумовская В. А. Долганское олонхо в свете эпосоведения и этнопереводоведения. *Эпосоведение*. 2026;1(41):41–53. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-1-41-53>

Original article

Dolgan olonkho in the light of epic and ethnic translation studies

Alexandr A. Petrov¹, Veronica A. Razumovskaya²

¹Herzen University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: petrovaalexspb@mail.ru

²Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Abstract. The article refers to the epic texts of Dolgan olonkho as a reflection of the cultural, linguistic, as well as ethno-identical features of Dolgans, which are the northernmost and one of the youngest Turkic ethnic groups in the modern world. Dolgan olonkho is considered as a set of ethnic texts of the indigenous small-numbered people of Siberia and Russia, which are the objects of “near” anthropology and act in the context of a comprehensive cultural turn of the sciences as objects of humanities as a whole, as well as potential objects of ethnic translation. The ethnic texts contain cultural information and memory generated throughout the entire existence of the ethnic group and reflect its the most important real and mythological past, which determines the research relevance.

Culturonyms are recognized as a regular form of cultural information and memory verbalization, which in relation to translating culture turns out to be xenonyms and act as the main units of ethnic translation, which implies the obligatory and most complete reconstruction of “foreign” cultural information in translated texts.

The novelty of the study is determined by the consideration of Dolgan epic texts in the context of ethnic translation – a multifunctional intercultural communicative activity that performs culture preservation, research, language revitalization, educational, pedagogical, and identity constructing tasks, as well as provides access to representatives of other world cultures and researchers to the unique culture of the Russian North.

The purpose of the study was to analyze the existing experience of translating the Yakut olonkho, created by the closely related Dolgans Sakha ethnic group, in light of the possibility of using it as a “translation benchmarking” tool (as one of the best examples of translation of a Turkic-language epic), which allows for the application of basic strategies, principles, and techniques of translation of ethnic texts that have already proven their effectiveness in Yakut Translation Studies.

The ethnic translation approach to the texts of the Dolgan olonkho is based on the general scientific methodological principle of complementarity, which involves the combined use of methods and ideas from Cultural Studies, Folklore Studies, Linguistics, and Translation Studies, as well as the principles of Hermeneutics, which are used descriptively and prescriptively.

The theoretical and practical significance of the analysis suggests the possibility of using its results to create general and particular theories of ethnic translation, understood as “near” Translation Studies, as well as to develop academic courses on Epic Studies, Siberian Studies, Cross-cultural Communication, Ethnic Linguistics and other sections of modern humanities.

Keywords: indigenous peoples of Siberia; cultural turn in humanities; cultural information and memory; epic; olonkho; ethnic text; ethnic translation; unit of translation; culturonym; “foreign” information

For citation: Petrov, A. A., Razumovskaya, V. A. Dolgan olonkho in the light of epic and ethnic translation studies. *Eposovedenie*. 2026;1(41):41–53 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-1-41-53>

Введение

Долганская народность появилась в результате взаимодействия различных этнических групп Сибири. Долганы рассматривают себя как отдельный этнос и не считают себя эвенками, якутами или русскими, с которыми они имеют признанную этническую связь [1]. В отличие от многих коренных малочисленных народов Севера и Сибири (эвенков, нанайцев, эскимосов) долганы проживают исключительно в Российской Федерации. Территориями компактного проживания этноса являются Якутия и Красноярский край (полуостров Таймыр), а в пределах двух указанных территорий долганы являются коренными жителями Анабарского национального (долгано-эвенкийского) муниципального района Республики Саха (Якутия) и Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края.

Язык долган (самоназвание *дулгаан тыла, хака тыла*) принадлежит к якутской подгруппе уйгуро-огузской группы и является одним из тюркских языков алтайской языковой общности. Фонетика, лексика, морфология и синтаксис долганского языка описаны в трудах ряда исследователей-лингвистов, а обзор изданных словарей по долганскому языку, опубликованных в России и за рубежом, представлен в работе А. А. Петрова «Словари языков малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [2; 3].

Всеобъемлющий культурный поворот, нашедший отражение в различных разделах современной гуманитарной науки, предполагает обращение к культурам коренных малочисленных народов различных регионов мира. Для российской гуманитаристики бесспорный интерес представляют народы, проживающие на территории полилингвальной и мультикультурной Сибири. Одним из таких народов являются долганы. Уникальность этноса, обусловленная природными и климатическими условиями проживания, сравнительно непродолжительной историей его существования как отдельного этноса, культурными контактами с этносами-соседями, определяют необходимость и важность изучения его культурных особенностей. Интересные результаты может обеспечить сравнительно-сопоставительный анализ языка и культуры долган и других родственных и неродственных этносов Сибири и современного мира.

Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением к долганской культурной информации и памяти, которые представлены в этнотекстах и требуют дальнейшего осмысления и описания. Новизну исследования определяет подход к рассмотрению долганских эпических текстов в контексте этноперевода, являющегося многофункциональной межкультурной коммуникативной деятельностью. К наиболее регулярно выделяемым (основным) относятся следующие функции этноперевода: научная, культуросохраняющая, образовательная, воспитательная, лингворевитализирующая и конструирующая идентичность. Указанные функции призваны решать соответствующие задачи и обеспечивать доступ представителям других культур и исследователям к уникальной культуре российского Севера.

Целью исследования стал анализ существующей на настоящий момент в научном дискурсе информации о долганском олонхо и рассмотрение возможности его перевода с учетом накопленного опыта перевода якутского олонхо, созданного близкородственным долганам этносом саха. Культурная и языковая близость двух тюркских этносов и их эпических традиций (при признании безусловных отличий) позволяет применить общие для олонхо двух тюркских этносов базовые стратегии, принципы и приемы перевода этнотекстов, которые уже доказали свою эффективность в якутском переводоведении.

Этнопереводческий подход к текстам олонхо долган предполагает (вслед за Н. Бором) использование общенаучного методологического принципа дополнительности, который в данном случае обеспечивает комплементарность методов и идей культурологии, фольклористики, лингвистики, переводоведения и других разделов гуманитаристики. Другим важным методологическим принципом стала герменевтика, применяемая в исследовании в отношении как научных текстов, посвященных эпическим традициям саха и долган, так и самих этнотекстов, являющихся материалом исследования и, соответственно, объектами этноперевода.

О долганском фольклоре и олонхо

Долганское *олонхо* представляет собой яркий пример эпического народного искусства этноса и занимает центральное место в системе фольклора северных тюрков. Термин *олонхо/олонку* в якутском и долганском языках обозначает как жанр, эпическую традицию, так и название отдельных сказаний. Далее, с целью методического удобства исследования, для обозначения этих понятий мы будем использовать принятый в фольклористике и литературоведении термин – «олонхо».

Как отмечает Б. Н. Путилов: «Эпос любого народа – одновременно представляет собою органическую часть фольклора (шире – духовной культуры) данного народа и определенное звено в эпическом творчестве как закономерном явлении, возникающем и развивающемся в

определенных исторических условиях у разных народов и характеризующемся известным единством и преемственностью. Отсюда возникает необходимость включения историко-типологических аспектов во все разделы исследования эпоса. Эти аспекты необходимы как для полного и всестороннего понимания изучаемого национального эпоса <...>, а также для выявления общих закономерностей и специфических особенностей эпического творчества вообще» [4, с. 122]. Для выявления специфических особенностей конкретной культуры важное значение обретает сравнительно-сопоставительный анализ эпоса отдельного народа в свете эпических традиций его родственных и неродственных этносов. Для настоящего исследования крайне важен факт близкого родства долганского олонхо с якутским.

Что касается истории возникновения долганского олонхо, то для выявления его истоков требуется применение историко-типологического метода, который по мнению Б. Н. Путилова может пролить свет на историю эпоса, на его генезис, связи с действительностью и позволит прочесть и понять его как можно глубже. При этом необходимо учитывать следующее замечание специалиста по мировому эпическому наследию: «Историко-типологическое изучение эпических памятников не может основываться лишь на фактах прямой общности, на видимых аналогиях и параллелях. Главная цель такого изучения – обнаружение соотношений между памятниками (или шире – эпическими системами) на разных уровнях (сюжетика, герои, композиция, основные идеи, характер историзма и др.), анализ этих соотношений, установление между ними типологической преемственности, выявление закономерностей и объяснение с позиций этих закономерностей истории данного эпоса и его характера» [4, с. 122–123].

Поскольку, как уже отмечалось выше, история происхождения долганского народа непосредственно связана с народом саха, то при изучении долганского олонхо нельзя не учитывать также и аспекты возникновения, становления и развития якутского олонхо. Поэтому необходимо обратиться как к трудам исследователей вербального фольклора якутов непосредственно из среды саха – П. А. Слепцова-Ойунского, И. В. Пухова, Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова, А. Е. Захаровой, Л. Л. Габышевой и др., так и к работам авторов фундаментальных теоретических трудов методологического плана – В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. М. Жирмунского и Б. Н. Путилова, Л. Н. Семеновой и др. В отличие от долганского якутское олонхо уже стало традиционным объектом системного изучения в различных областях гуманитаристики. С лингвистической точки зрения особое внимание уделялось языку якутских эпических текстов. Так, у К. Д. Дьячковского представлено следующее описание якутского олонхо, которое с полным правом применимо и к олонхо долганскому: «Язык олонхо – многоаспектная семиотическая система с довольно рельефно выраженной лексической, фонологической, морфологической, синтаксической, ритмической уровнями структуры словесно-поэтического произведения <...>. Язык этот чрезвычайно красочен и картинен, насыщен сравнениями, эпитетами, идиоматикой, тропами, референциями, тавтологией, синонимами, омонимами, архаизмами, фигуральными словами и др. В языке олонхо доминирует художественно-образное эпическое слово сказителя-импровизатора. Ритмический строй, интонационно-мелодический рисунок, музыкальность песен, речей, речитативов, избирательность словообразовательных морфем, просодические явления, вариативность, силлабика верлибра, своеобразие анафорического стиха и др. качества имеют в каждом конкретном эпизоде действия <...> знаково-символический (этносемиотический) смысл» [5, с. 407]. И хотя долганское олонхо еще ждет своего системного изучения, ему уже посвящены ряд исследований. Так, А. А. Попов включил в 1937 году в сборник «Долганский фольклор» три олонхо: «Отважный Окуолай», «Сын лошади Аталами богатырь» и «Брат и сестра» [6, с. 173–238]. П. Е. Ефремов провел сопоставительный анализ двух текстов на долганском языке и переводов на русский язык – «Сын лошади Аталами богатырь» и «Брат и сестра». При этом исследователем были выявлены фактические ошибки, ставшие результатом неправильного понимания оригинала, а также обнаружены случаи дословного калькирования. При этом бесспорный интерес представляет история перевода одного текста из издания

А. А. Попова. Анализируемый Ефремовым отрывок переведен Поповым на русский язык и далее был литературно обработан Е. М. Тагер: «Научный редактор издания М. А. Сергеев так излагает принятый метод перевода: “Е. М. Тагер, не знающая долганского языка, была ознакомлена с текстами А. А. Поповым путем неоднократного чтения этих текстов вслух. Чтение это сопровождалось максимально точной разметкой ударных и неударных, долгих и кратных слогов, и таким образом в результате этого чтения и соответственных записей возникла точная ритмическая запись, передававшая фонетическое своеобразие долганской народной речи. Одновременно А. А. Поповым был произведен возможно более точный, с максимальным приближением к подлиннику, подстрочный (дословный) перевод текстов. Работа художественного переводчика Е. М. Тагер состояла в соединении двух указанных выше материалов – ритмической записи и дословного перевода – в один, удовлетворяющий требованиям художественного слова, литературно воспринимаемый текст. Последний, являясь результатом изучения как ритмической, так и словесной фактуры подлинника, должен был отразить весь строй долганской народной поэзии, сохранить специфику ее образности и тональности, соблюсти все характерные синтаксические особенности языка”» [7, с. 13].

Композиция и сюжет во многих якутских олонхо обнаруживают значительное сходство, что отмечают многие исследователи, и прежде всего И. В. Пухов и Н. В. Емельянов. Традиционно в композиции олонхо выделяют экспозицию, представляющую эпический зачин; завязку, раскрывающую повод для богатырского похода или подвига; развитие действия, описывающее события богатырского похода; кульминацию повествования, раскрывающую победу героя над врагами, а также дальнейшее развитие событий, счастливую развязку и заключение [8, с. 11–12]. В отношении сюжетов олонхо Н. В. Емельянов отмечает: «По своей тематике сюжетов олонхо делятся на три основные группы: 1) олонхо о заселении Среднего мира; 2) олонхо о родоначальниках племени урангхай саха; 3) олонхо о защитниках племени айыы и саха урангхай. Из них наиболее ранними следует считать олонхо о заселении Среднего мира» [9, с. 4].

В результате анализа сюжетно-композиционной структуры и системы образов долганских олонхо и его сравнения с эпосом есеевских и северных якутов, а также других северных народов, известный специалист по якутскому и долганскому фольклору П. Е. Ефремов пришёл к выводу о том, что долганское олонхо генетически восходит к якутскому. Исследователь считал, что олонхо долган в давние времена, «оторвавшись от якутской праосновы и оказавшись в чужезычном окружении, как бы законсервировалось и сохранило свои древние черты» [7, с. 79]. При этом в нем отмечается устойчивость эпической традиции старинного якутского олонхо (сюжет, композиция, система образов, художественные средства выражения) и сравнительно малое отражение северного уклада жизни и быта, а также элементов влияния культур соседних с долганами народов Севера и Сибири. Предпринятый анализ позволяет исследователю констатировать утрату зачина и вступления в долганских олонхо, изменения в стиле повествования и специфике языка. Он также считает олонхо долган традиционным жанром фольклора, поскольку оно не настолько активно используется в современной вербальной практике устного народного поэтического творчества этноса [7, с. 79].

В 2000 г. был опубликован том «Фольклор долган», в котором представлены тексты и анализ олонхо «Сын лошади Аталами богатырь», «Богатырь Железный Ниптя», «Тойон Джолло», «Три сестры», «Эр Соготок», «Кётё-Мёнгё», «Сын неба», «Мёрёдян Мэргэн-богатырь», «Оттоной». Составители издания приходят к следующему заключению: «Содержание долганских олонхо в основном сводится к героической женитьбе. Богатырь Среднего мира, начав самостоятельную жизнь, отправляется на поиски невесты. Он преодолевает различные препятствия, борется со злыми *абаасы*» [10, с. 30]. По структуре они имеют небольшой зачин-вступление о месте происходящих событий; экспозицию с краткой характеристикой главных героев; завязкой – решением главного героя отправиться в дальнее странствие или вторжением злых богатырей в мирную жизнь Среднего мира. Развитие действия приводит

к кульминации и развязке, в которой герой с невестой возвращаются на родину жениха, живут в мире и согласии долго и счастливо.

В 2005 г. в рамках программы ЮНЕСКО олонхо объявлено нематериальным наследием человечества, а в 2008 г. официально включило в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества. Символично, что именно в эти годы выходят в свет крупные монографические исследования и публикации новых материалов по олонхо долган [11; 12]. В книге «Долган-накалар ырыалаак олонгколоро» были опубликованы тексты долганских олонхо: «Эрэйдээк-буруйдаак Эр Ноготок» («Многострадальный Муж Одинокый»); «Лөрүө огонньор» («Старик-Бабочка»); «Боскондой» («Боскондой»); «Эр Ноготок» («Муж Одинокый»); «Олорчоок огонньор» («Старичок Олорчок»); «Айданчай букатыыр» («Шумный богатырь»); «Айыы уола – Ньаргустай» («Сын святого – Ньаргустай»), записанные от современных сказителей-олонхосутов [12]. Это издание свидетельствует о том, что долганское олонхо как жанр фольклора, вопреки пессимистическим прогнозам некоторых ученых, продолжает бытовать в народе и традиции сказительства передаются из поколения в поколение.

Долганское олонхо как этнотекст

Исследователи культурных явлений с конца XX в. регулярно обращаются к понятию культурного поворота, ставшего неотъемлемой частью гуманитаристики и предполагающего интегрирование основных парадигм современной науки, ориентированных на изучение культуры. Прежде всего, объединяются антропология культуры, феноменология, а также критическая теория и идеи постструктурализма. В рамках такого поворота усиливается внимания ученых к локальным (региональным) культурам – культурам, остающимся малоизвестными и в наши дни. Всеобъемлющий культурный поворот не стал гомогенным процессом, а обнаруживает ряд отдельных траекторий, каждая из которых является его модификацией. Такой модификаций стал этнокультурный поворот, в котором объектом изучения становится не культура в целом и все ее возможные формы и проявления, а отдельная этнокультура, ставшая результатом сложного процесса этногенеза и аккумулирующая ценный культурный опыт, приобретенный этносом при освоении им территории и приспособлении к условиям существования на ней. Культурный опыт у каждого этноса представлен в его культурной информации и памяти и отражен в духовных ценностях, правилах поведения, законах и нормах, которые регулируют жизнь конкретного этнокультурного сообщества. Культурный опыт связан с конструированием этнической идентичности его представителей, являясь результатом когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих («других») этносов [13].

В пространстве всеобъемлющего культурного поворота и соответствующих областях гуманитаристики объекты этнокультурного анализа представлены преимущественно этнотекстами. Впервые в научном дискурсе понятие этнотекста использовано антропологами Ж.-К. Бувье и К. Равье для описания культурного ландшафта юга Франции. Они выделили категорию этнотекста по наличию в нем информации этнологического, лингвистического и исторического видов [14]. Этнотекст обладает и эпilingвальными параметрами, что предполагает отражение в нем речи представителей «своего» этноса о «своем» языке. Понятие эпilingвальности связывает этнотекст с его территориальным социумом и в нем находит отражение отношения к «своему» языку и культуре [15]. Этнотекст представляет собой универсальный объект гуманитаристики в целом, а также и более узких ее областей, в частности. С позиции антропологии к такому виду текста в полной мере применимы понятия, которые наряду с понятием этнотекста были предложены французскими антропологами – «дальняя антропология» («anthropologie lointain»), для которой объектом являются традиционно «чужие» культуры, и «ближняя антропология» («anthropologie proche»), занимающаяся «своей» культурой, являющейся культурой страны происхождения этнотекста [16]. С учетом двух указанных видов антропологии долганские этнотексты, ставшие объектом рассмотрения настоящего исследования, по отношению к другим

культурам Сибири принадлежат к пространству «ближней антропологии», а по отношению к культурам зарубежья – к «дальней антропологии».

В этнотекстах (сказках, легендах, песнях, загадках, считалках) ингерентно представлены маркеры, отражающие ключевые архетипы, ставшие результатом коллективного опыта долганского этноса, а также репрезентируются его основные ментальные черты. Тексты долганского эпоса олонхо с полным правом могут быть отнесены к категории этнотекстов. А по причине близкородственных связей долган с этносом саха долганское олонхо обнаруживает очевидное сходство с якутским олонхо. Прежде всего, это сходство функциональное. Через эпические традиции и происходит актуализация культурной информации и памяти, формирование и дальнейшее поддержание этнической идентичности членов сообщества, обучение и связанное с ним воспитание молодого поколения. В текстах олонхо архивирована и продолжает (как в «капсуле») сохраняться культурная информация и память этносов. В отношении текстов олонхо (как долган, так и якутов) исследователи выделяют этноинтегрирующую, социализирующую, научную и развлекательную функции. Знакомство с текстами олонхо способствует пониманию древних форм сознания долган и обеспечивает активное присутствие и функционирование таких форм на современном этапе жизни этноса.

В содержательном аспекте сходство якутских и долганских эпических традиций отражено в космогонии, описании происхождения и устройства миров (например, Мировое древо, символизирующее связь между подземным, земным и небесным мирами), пространственно-временных представлениях, а также в языке эпических текстов (используемые эпические формулы, клише, эпитеты) [17]. Тем не менее, между двумя тюркскими эпосами имеются и очевидные различия в представленных описаниях природы, жилищ, ведения традиционного хозяйства, промысловой деятельности, средств передвижения. Таким образом, даже близкое родство этносов, их языков и культурных традиций тем не менее не исключает национального своеобразия и специфики, которые находят отражение в этнотекстах.

Переводческая перспектива долганского олонхо: дескрипция и прескрипция

В последнее время наблюдается тенденция к сравнительному анализу эпических произведений народов современного мира. В первую очередь интерес для изучения представляют практически неизвестные эпические традиции коренных малочисленных этносов, большинство из которых также являются младописьменными или новописьменными. Именно сравнительно-сопоставительные исследования могут привести к интересным результатам, значимым для многих разделов современной гуманитаристики и открывающим новые перспективы для решения ее актуальных проблем.

Одной из возможных областей изучения эпических произведений, представляющих континуум этнотекстов, повествующих о героическом прошлом народа, может и должно стать переводоведение. Причем в его «этноварианте». Бесспорно, что эпические тексты и ранее неоднократно становились объектами перевода. В первую очередь это были тексты, входящие в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. Наиболее известными из эпосов, обладающих высокой степенью переводимости и, соответственно, «переведенности», являются шумерский «Эпос о Гильгамеше», англосаксонский «Беовульф», древнегреческие «Илиада» и «Одиссея», германская «Песнь о Нибелунгах», киргизский «Манас». К ярким примерам эпоса с высокой «переведенностью» относится финско-карельский эпос «Калевала», имеющий вторичные версии на 65 языках. Известность перечисленных эпосов во многом и обусловлена наличием у них успешных переводных версий, которые созданы с применением комплементарного подхода, сочетающего в соответствии с принципом дополнительности стратегии, принципы, приемы художественного, филологического, а также и частных видов перевода, учитывающих особенности контактирующих в ситуации перевода языков. В свете переводческой проблематики эпических текстов важное значение имеют исследования по направлению, определяемому как фольклористический перевод. Л. Н. Арбачакова

и соавторы обращаются к такому переводу в исследованиях шорского эпоса, отмечая необходимость академической точности русских переводных версий для научного анализа, важность учета диалектных особенностей языка оригинала, а также обязательное комментирование [18]. Сходную точку зрения разделяет исследователь сибирского фольклора С. П. Рожнова. С позиций фольклористического перевода Т. Г. Басангова анализирует песенное народное творчество калмыков в форме оригиналов и русских переводов [19].

Поскольку культурная информация и память этнотекстов в значительной мере определяют специфику их перевода, то данные информационные характеристики и вербализирующие их культуронимы выступают единицами перевода, относительно которых принимается решение на перевод. Особенности таких единиц позволяет выделить перевод этнотекстов в особый вид и обозначив его вслед за румынским переводоведом Дж. Лунгу-Бадая как этноперевод, а соответствующий ему раздел переводоведения – как этнопереводоведение [20]. В этнопереводе ключевой задачей становится сохранение «чужой» культурной информации во вторичных текстах переводов, что открывает ученым и представителям «других» культур мира доступ к его уникальным культурам.

Для осмысления этноперевода с полным правом применимы идеи французского переводчика, историка и теоретика перевода А. Бермана, рассматривающего каждый перевод как обязательное «испытанием чужим» и отстаивающего необходимость обязательного сохранения в тексте перевода следов «чужого» («другого») из текста оригинала [21]. У Бермана, призывавшего воспринимать иностранное как иностранное и связывающего перевод с постоянным взаимодействием переводчика с «другим» менталитетом и культурой, а наряду с этим и с антропологией и герменевтикой, перевод становится уже не искусством сходства, что соответствует традиционному подходу к переводческой деятельности, а искусством различия, что и обеспечивает новаторский взгляд на перевод. Берман пишет: «Перевод, по самой своей сути, одушевлен желанием открыть Чужое именно как Чужое его собственному языковому пространству <...> Этическая, поэтическая и философская цель перевода заключается в том, чтобы выявить чистую новизну в ее собственном языке, сохранив эту видимую новизну. И даже, говоря словами Гёте, придать ей новую новизну, поскольку эффект этой новизны в ее собственной языковой атмосфере уже стерся» [22, с. 75–76].

Концепция «чужого» Бермана получила дальнейшее развитие в современном переводоведении. Так, у Н. К. Гарбовского находим следующие рассуждения: «Переводные тексты в большей или меньшей степени несут отпечаток “чужого” текста, если переводчик старается следовать за оригинальным текстом и не превращает перевод в переделку или переложение ... < а с другой стороны – В. Р.> ... текст перевода не может быть вовсе неприемлемым, “чужим” для принимающей культуры. В нем должно сохраняться ровно столько “чужести”, сколько позволит носителям принимающей культуры его воспринимать» [23, с. 134]. В аспекте перевода Е. С. Грибановская указывает на три основных подхода к категории «чужого», считая из них наиболее значимым и важным аспект культурного содержания текста, что, бесспорно, является актуальным для этнотекстов. По ее мнению, «чужое» – это то, «... с чем постоянно сталкивается перевод <...> это то, что не выражено в языке перевода, явления культуры исходного языка, отсутствующие в культуре языка перевода» [24, с. 19]. Рассматривая стратегии передачи «чужого» в свете художественного перевода, И. А. Хромова и Г. В. Токарева отмечают, что современная теория перевода обнаруживает все свойства междисциплинарности и «... базируется на идее связи между языком и культурой, на современных достижениях в области лингвокультурологии, устанавливающей сложные диалектические связи между ментальностью, этнической идентичностью, культурой и языком» [25, с. 87]. Главной задачей переводчика традиционно является создание такого вторичного текста, в котором «чужое» будет объяснено и станет понятным потенциальному читателю перевода. Но при переводе этнотекста указанная задача значительно усложняется: текст перевода должен быть не только понятен читателю, что может

быть достигнуто через объяснение «чужого», содержащегося в оригинале, но «чужое» должно быть воссоздано в тексте перевода в максимальной степени, поскольку именно «чужое» является главной составляющей информации текста оригинала и требует обязательного сохранения в тексте перевода.

История сбора и изучения этнотекстов коренных народов Сибири показывает, что именно создание их переводов на русский язык, а также и на другие языки мира позволило сохранить ценный этнографический материал и обеспечило доступность уникальных культурных объектов для дальнейшего знакомства с ними и анализа. У каждого этноса есть своя история перевода этнотекстов, обнаруживающая как сходства, так и различия с историями перевода этнотекстов других этносов. Перевод этнотекстов коренных народов Сибири в большинстве случаев имеет непродолжительную историю, что обусловлено как поздним появлением у языков таких этносов письменности, так и тем, что устойчивый научный интерес к культурам малочисленных этносов возник в последние десятилетия, что и стало результатом культурного поворота гуманитаристики. Из эпических традиций сибирских этносов наиболее продолжительную историю перевода имеет олонхо народа саха [26; 27]. Опыт перевода якутского эпоса позволил сделать ряд теоретических выводов, отражающих основные принципы и алгоритмы перевода этнотекстов [28; 29]. Деятельность НИИ Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, системные исследования якутских лингвистов и переводов направлены на изучение лингвистических и культурологических особенностей олонхо, что вносит несомненный вклад в теорию и практику этноперевода с участием якутского языка. Большое значение для осмысления и решения проблематики перевода олонхо имеет обращение к вопросам лексикографического описания в словаре языка якутского олонхо, разработка которого находится на стадии теоретического конструирования [30].

Близкое родство эпических традиций якутов и долган позволяет применить выявленные принципы перевода якутского олонхо и для перевода олонхо долганского. Конечно, при обязательном сохранении этноспецифики долганских оригиналов. Народ саха является самым многочисленным из коренных этносов Сибири и главным этносом Республики Саха (Якутия). Его эпическое наследие представлено как в оригинальной форме якутского языка, так и во вторичных формах языков переводов. Еще раз подчеркнем, что материалы перевода якутского олонхо дают ценный материал для теоретических выводов, которые могут быть использованы для создания общей теории этноперевода [31], и для разработки частных теорий этноперевода, обращенных к проблематике перевода эпических текстов конкретных народов Сибири. И, прежде всего, к проблематике перевода долганского олонхо, обладающего языковой, культурной и сюжетной близостью с олонхо якутским [32].

Заключение

Таким образом, в контексте происходящего культурного поворота перевод этнотекстов может стать эффективным ключом к изучению, пониманию, а также сохранению и ревитализации языков и культур коренных малочисленных этносов поликультурной России и всего мира. Полученные и ожидаемые результаты в рамках «этнопарадигмы», активно используемой в современной гуманитаристике и, прежде всего, в таких ее областях как этнолингвистика и этнопереводоведение, открывают очевидные перспективы для дальнейших исследований этнотекстов. В первую очередь речь идет об этнотекстах, содержащих культурную информацию и память уникальных и практически не изученных культур малочисленных и младо(ново)письменных этносов. Практическая и теоретическая значимость предпринятого исследования заключается в возможности использования его результатов для создания общей и частных теорий этноперевода, который находится на этапе его становления. Этнопереводческий анализ и его результаты применимы для разработки курсов по этнологии, этнографии, лингвокультурологии, сибиреведению и североведению, этнолингвистике и межкультурной коммуникации. Накопленный ценный опыт перевода якутского олонхо и теоретическое

осмысление подходов и принципов создания вторичных иноязычных версий, что является одним из лучших на данный момент образцов перевода тюркоязычного эпоса, может быть применен к переводу этнотекстов, созданных на родственных тюркских языках и относящихся к сходным эпическим традициям.

Литература

1. Артемьев Н.М. *Долганский язык. Учебное пособие. Часть 1. Введение, общие вопросы, фонетика и графика, лексика*. Санкт-Петербург: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; 2001:128.
2. Петров А.А. Долганский язык = Dolgan language. *Journal of Endangered Languages*. 2018;8(13):43–57.
3. Петров А.А. Долганский язык. В кн.: Петров А.А. (ред.) *Словари якутского языка и языков народов Севера: справочник: в 2 ч. Ч. 1.: Словари языков малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2025:4–8.
4. Путилов Б.Н. Эпос народов Сибири и его историческая типология. В кн.: Путилов Б.Н. (ред.) *Вопросы языка и фольклора народностей Севера*. Якутск: ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР; 1972:121–142.
5. Дьячковский К.Д. Олонхо: этносемиотическая функция. В кн.: Иванов В.Н. (ред.) *Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира: Материалы Международной научной конференции, г. Якутск, 18–20 июня 2013*. Якутск: Изд-во СВФУ; 2014:406–408.
6. Попов А.А. (ред.) *Долганский фольклор*. Ленинград: Советский писатель; 1937:256.
7. Ефремов П.Е. *Долганское олонхо*. Якутск: Якутское книжное изд-во; 1984:132.
8. Емельянов Н.В. *Сюжеты якутских олонхо*. Москва: Наука; 1980:375.
9. Емельянов Н.В. *Сюжеты ранних типов якутских олонхо*. Москва: Наука; 1983:247.
10. Ефремов П.Е. (ред.) *Фольклор долган*. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН; 2000:448 (на долганском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).
11. Алексеева Г.Г. *Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган*. Якутск: ЯФ изд-ва СО РАН; 2005:438.
12. Бетту Л.Д. (ред.) *Долган-хакалар ырыалаак олонголоро. Героический эпос долган – олонхо*. Красноярск: Издательско-полиграфический центр «КАСС»; 2008:120 (на долганском яз.).
13. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2009;(2):3–17.
14. Bouvier J.-C., Ravier X. Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France. *Le monde alpin et rhodanien*. Grenoble. 1976;(1–2):207–212 (на французском яз.).
15. Bulot T. Discours épilinguistique et discours topologique: une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbain. *Revue de l'Université de Moncton*. 2005;1(36):219–225 (на французском яз.).
16. Abélès M., Rogers S.C. Introduction. *L'Homme*. 1992; 32(121):7–13 (на французском яз.).
17. Винокуров В.В. Космологические представления в эпических произведениях долган, эвенков и якутов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение*. 2019;4(16):69–79. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.16.44317>
18. Арбачакова Л.Н., Кузьмина Е.Н. Аудиозапись эпоса и его перевод: текстологические заметки. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2020;1(39):45–54. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-1-45-54>
19. Басангова Т.Г. Песни о сибирской ссылке в фольклорной традиции калмыков (на материале полевых исследований). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение*. 2023;1(312):72–80. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2023-1-312-72-80>
20. Lungu-Badea G. *Mic dicționar de termeni utilizați în teoria, practica și didactica traducerii*. Timisoara: Editura Universitatii de Vest; 2012:221 (на румынском яз.).
21. Berman A. *L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Paris: Gallimard; 1984:311 (на французском яз.).
22. Berman A. *La traduction et la lettre, ou L'auberge du lointain*. Paris: Seuil; 1999:141 (на французском яз.).

23. Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность. В кн.: Гарбовский Н.К. (ред.) *Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы III Международной научно-практической конференции* (Москва, 25–29 апреля 2012 г.). Москва: Изд-во Высшей школы перевода МГУ; 2012:130–136.
24. Грибановская Е.С. Концепт «чужого» в переводе. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2012;(2):16–23.
25. Хромова И.А., Токарева Г.В. Стратегии перевода «чужого» (на материале переводов А.Н. Островского интермедий Сервантеса). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2017;(1):85–95.
26. Николаева Н.А. Об истории перевода якутского героического эпоса олонхо на языки народов мира. *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. 2018;6(416):125–130. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10618>
27. Васильева А.А. Перевод в Якутии как средство сохранения языка и культуры народа саха. *Поллингвистичность и транскультурные практики*. 2021;18(4):358–367. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-358-367>
28. Находкина А.А. Якутское эпическое наследие и его международный перевод: (1970-е гг. – начало XXI в.). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение*. 2019;4(16):80–87. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.16.44318>
29. Sobakina I., Petrova T. Principles of translation of Yakut epic texts into Russian (on the material of Olonkho “Ala Bulkun” by T.V. Zakharov-Cheebiy). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018;7(3):302–317 (на англ. яз.).
30. Роббек Л.В. Единицы лексикографического описания в словаре языка олонхо. *Эпосоведение*. 2021;2(22):69–78. <https://doi.org/10.25587/a8299-5392-7163-q>
31. Razumovskaya V.A. Ethnic Translation as a key to indigenous cultures (research and educational aspects). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2025;(2):618–627 (на англ. яз.).
32. Петров А.А., Разумовская В.А. *Dolganica: язык, культура, персоналии: биобиблиографический справочник*. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета; 2022:160.

References

1. Artemyev NM. *The Dolgan language. A study guide. Part 1. Introduction, general issues, phonetics and graphics, vocabulary*. Saint Petersburg: Herzen University Publ. House; 2001:128 (in Russian).
2. Petrov AA. The Dolgan language. *Journal of Endangered Languages*. 2018;8(13):43–57 (in Russian).
3. Petrov AA. *Dolgan language*. In Petrov AA. (ed.) *Dictionaries of the Yakut language and languages of the peoples of the North: reference book: in 2 parts. Part 1.: Dictionaries of the languages of the small peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk: NEFU Publ. House; 2025:4–8 (in Russian).
4. Putilov BN. The epic of the peoples of Siberia and its historical typology. In: Putilov BN. (ed.) *Issues of language and folklore of the peoples of the North*. Yakutsk: Institute of Language, Literature and History at Yakut Subdivision of SB of the USSR AS Publ.; 1972:121–142 (in Russian).
5. Dyachkovsky KD. Olonkho: ethnosemiotic function. In: Ivanov VN. (ed.) *The Yakut heroic epic olonkho – a masterpiece of the oral and intangible heritage of humanity in the context of the epics of the peoples of the world: Proceedings of the International Scientific Conference, Yakutsk, June 18–20, 2013*. Yakutsk: NEFU Publ. House; 2014:406–408 (in Russian).
6. Popov AA. (ed.) *Dolgan folklore*. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ.; 1937:256 (in Russian).
7. Efremov PE. *Dolgan olonkho*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House; 1984:132 (in Russian).
8. Emelyanov NV. *Plots of Yakut olonkho*. Moscow: Nauka Publ.; 1980:375 (in Russian).
9. Emelyanov NV. *Plots of early types of Yakut olonkho*. Moscow: Nauka Publ.; 1983:247 (in Russian).
10. Efremov PE. (ed.) *Dolgan folklore*. Novosibirsk: Publ. House of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB of the RAS; 2000:448 (in Dolgan and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. T. 19).
11. Alekseeva GG. *Folk song creativity in the system of traditional musical culture of the Dolgans*. Yakutsk: Yakut Subdivision of the Publ. House of the SB of the RAS; 2005:438 (in Russian).
12. Bettu LD. (ed.) *The heroic epic of the Dolgans – olonkho*. Krasnoyarsk: “KASS” Publishing and Printing Center; 2008:120 (in Dolgan).

13. Stefanenko TG. Ethnic identity: from ethnology to social psychology. *Lomonosov Psychology Journal*. 2009;(2):3–17 (in Russian).
14. Bouvier J.-C., Ravier X. Interdisciplinary research project on ethnotexts from the South of France. *The Alpine and Rhône Valley regions. Grenoble*. 1976; 1–2:207–212 (in French).
15. Bulot T. Epilinguistic discourse and topological discourse: an approach to the relationship between signage and linguistic confinement in urban sociolinguistics. *University of Moncton Review*. 2005;1(36):219–225 (in French).
16. Abélès M., Rogers S.C. Introduction. *L'Homme*. 1992; 32(121):7–13 (in French).
17. Vinokurov VV. Cosmological representations in epic works of Dolgan, Evenki and Yakut. *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Eposovedenie*. 2019;4(16):69–79 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.16.44317>
18. Arbachakova LN., Kuz'mina EN. Audio recording of the epic and its translation: textological notes. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2020;1(39):45–54 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-1-45-54>
19. Basangova TB. Songs about the Siberian exile in the folklore tradition of the Kalmyks (based on field research). *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*. 2023;1(312):72–80 (in Russian). <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2023-1-312-72-80>
20. Lungu-Badea G. *Small dictionary of terms used in translation theory, practice and didactics*. Timisoara: Editura Universitatii de Vest; 2012:221 (in Romanian).
21. Berman A. *The ordeal of the foreign: Culture and translation in Romantic Germany*. Paris: Gallimard; 1984:311 (in French).
22. Berman A. *Translation and Letter, or The Inn of the Distant*. Paris: Seuil; 1999:141 (in French).
23. Garbovsky NK. Russian translation discourse: myth or reality. In: Garbovsky NK. (ed.) *Russian language and culture in the mirror of translation: proceedings of the 3rd International scientific-practical conference (Moscow, April 25–29, 2012)*. Moscow: Publ. house of the Higher School of Translation, Moscow State University; 2012: 130–136 (in Russian).
24. Gribanovskaya ES. The concept of “alien” in translation. *Lomonosov Translation Studies Journal*. 2012;(2):16–23 (in Russian).
25. Khromova IA., Tokareva GV. Strategies for translating “alien” (based on A.N. Ostrovsky's translations of Cervantes' interludes). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda – Lomonosov Translation Studies Journal*. 2017;(1):85–95 (in Russian).
26. Nikolaeva NA. On the history of the translation of the Yakut heroic epic Olonkho into the languages of the peoples of the world. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology*. 2018;6(416):125–130 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10618>
27. Vasilyeva AA. Translation in Yakutia as a means of preserving the language and culture of the Sakha people. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2021;18(4):358–367 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-358-367>
28. Nakhodkina A.A. Yakut epic heritage and its international translation: (1970s- beginning of the 21st century). *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Eposovedenie*. 2019;4(16):80–87 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.16.44318>
29. Sobakina I., Petrova T. Principles of translation of Yakut epic texts into Russian (on the material of Olonkho “Ala Bulkun” by T.V. Zakharov-Cheebiy). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018;7(3):302–317.
30. Robbek LV. Units of lexicographic description in the dictionary of the olonkho language. *Eposovedenie*. 2021;2(22):69–78 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/a8299-5392-7163-q>
31. Razumovskaya VA. Ethnic translation as a key to indigenous cultures (research and educational aspects). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2025;(2):618–627.
32. Petrov AA., Razumovskaya VA. *Dolganica: language, culture, personalities: biographical reference*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. House; 2022:160 (in Russian).

Об авторах

Петров Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры алтайских языков, фольклора и литературы ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», ORCID: 0000-0003-0075-3742, SPIN: 8263-8539, e-mail: petrovalexspb@mail.ru

Разумовская Вероника Адольфовна, кандидат филологических наук, профессор учебно-научной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ORCID: 0000-0002-0751-7964, Researcher ID: O-3584-2017, SPIN: 8263-8539, e-mail: veronica_raz@hotmail.com

About the authors

Alexandr A. Petrov, Doctor Sci. (Philology), Professor of the Department of Altai Languages, Folklore and Literature of Herzen University, ORCID: 0000-0003-0075-3742, SPIN: 9071-3097, e-mail: petrovalexspb@mail.ru

Veronica A. Razumovskaya, Cand. Sci. (Philology), Professor of Research and Education Laboratory for Behavioral Economics and Communications Development of Siberian Federal University, ORCID: 0000-0002-0751-7964, Researcher ID: O-3584-2017, SPIN: 8263-8539, email: veronica_raz@hotmail.com

Вклад авторов / Authors' contribution

Петров А.А. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием.

Разумовская В.А. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Alexandr A. Petrov – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, supervision.

Veronica A. Razumovskaya – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing.

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 16.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.02.2026

Принята к публикации / Accepted 02.03.2026